

УДК 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.04

### **Иванов Андрей Александрович**

доктор исторических наук, профессор  
Санкт-Петербургский государственный университет  
Санкт-Петербург, Россия  
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

### **Арцуева Анна Саидовна**

аспирант  
Санкт-Петербургский государственный университет  
Санкт-Петербург, Россия  
st099004@student.spbu.ru; ORCID: 0000-0001-8393-2951

## **«ЖЕЛЕЗНОЙ РУКОЙ НАВЕСТИ ПОРЯДОК»: РУССКИЕ ПРАВЫЕ И ПЕРСИДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1911 гг.**

*Аннотация.* Статья посвящена взглядам русских правых (черносотенцев и националистов) на внешнюю политику Российской империи, обусловленную событиями Конституционной революции в Иране 1905–1911 гг. Цель публикации — выявление и анализ взглядов русских консерваторов на персидский вопрос начала XX в., так как они до сих пор остаются недостаточно изученными. В статье уделено внимание всем основным этапам развития российской политики в Иране за указанный период: анализируется реакция правых на англо-русское соглашение 1907 г., на участие русских военных в монархическом перевороте Мохаммеда Али-шаха, а также на решение правительства о введении российских войск в Иран в 1909 г. и интервенцию 1911 г. Материалы периодической печати и публицистических работ консервативных деятелей позволяют выявить различия и сходства во взглядах русских националистов и крайне правых на участие России в событиях Персидской революции, оценить их отношение к действиям российского правительства. Несмотря на то что на начальном этапе развития персидского вопроса умеренно правые и националисты одобрительно относились к шагам, предпринимаемым русской дипломатией, политика России в Иране периода Конституционной революции в итоге привела к тому, что действия российского МИДа стали критиковаться представителями всех правых организаций Российской империи.

*Ключевые слова:* русские правые, монархисты, русские националисты, черносотенцы, Иранская революция 1905–1911 гг., Конституционная революция в Персии, внешняя политика.

UDC 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.49.1.04

**Ivanov Andrey A.**

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor  
Saint-Petersburg State University  
Saint Petersburg, Russia  
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**Artsueva Anna S.**

Postgraduate student  
Saint-Petersburg State University  
Saint Petersburg, Russia  
st099004@student.spbu.ru; ORCID: 0000-0001-8393-2951

## “TO BRING ORDER WITH AN IRON HAND”: RUSSIAN RIGHT-WINGERS AND THE PERSIAN REVOLUTION OF 1905–1911

**Abstract.** The article is devoted to the views of Russian right-wingers (black-hundredists and nationalists) on the foreign policy of the Russian Empire, conditioned upon the events of the Constitutional Revolution in Iran of 1905–1911. The purpose of the publication is to identify and analyze the views of Russian conservatives on the Persian question at the beginning of the XX<sup>th</sup> century, since they still remain under investigated. The article pays attention to all the main stages of development of Russian policy in Iran over the specified period. It analyzes the reaction of the rightists to the Anglo-Russian agreement of 1907, to the participation of the Russian military in the monarchical coup of Mohammad Ali Shah, as well as to the government’s decision to send Russian troops to Iran in 1909 and the intervention of 1911. Differences and similarities in Russian nationalists’ and extreme rightists’ views on Russia’s participation in the events of the Persian revolution are revealed on the basis of the periodical press and conservatives’ publicistic works and the attitude to the actions of the Russian government is estimated. At the initial stage of development of the Persian question the moderate rightists and nationalists approved the steps taken by Russian diplomacy. Despite this fact the policy of Russia in Iran during the period of the Constitutional Revolution eventually led to the fact that the actions of the Russian Foreign Ministry began to be criticized by representatives of all right-wing organizations of the Russian Empire.

**Keywords:** Russian right-wingers, monarchists, Russian nationalists, black-hundredists, Iranian Revolution of 1905–1911, Persian Constitutional Revolution, foreign policy.

**Введение.** Одним из внешнеполитических вопросов, особо волновавших консервативно настроенную часть российского общества в начале XX в., был персидский вопрос: к этому времени Иран оказался в центре борьбы Российской и Британской империй за влияние на Среднем Востоке. Интерес политических кругов и общественности к происходящим в Иране событиям значительно усилился во время Персидской революции 1905–1911 гг., в ходе которой была принята конституция и создан иранский

парламент — межджис. Революционные события провоцировали беспорядки на русско-иранской границе и серьезно мешали реализации экономических интересов России, а в 1909 г. привели к отречению пророссийски настроенного Мохаммеда Али-шаха от престола, что не могло не вызвать негативной реакции со стороны консервативных деятелей Российской империи. Кроме того, российский МИД, следуя англо-русским договоренностям, считал нежелательным вмешательство во внутренние дела Ирана. Министр иностранных дел А. П. Извольский полагал, что меры, принимаемые Россией для защиты своих учреждений и подданных, «должны быть принимаемы по предварительному уговору с Великобританским правительством, с которым необходимо поддерживать вполне дружеское и искреннее согласие»<sup>1</sup>. Многие представители черносотенных партий и союзов отнеслись к данному дипломатическому курсу с недоверием и разочарованием, видя в нем подтверждение отказа России от самостоятельной политики на Среднем Востоке, и дальнейшие действия российского МИДа в этом регионе, как правило, поддержки правых не встречали. Таким образом, персидский вопрос включал в себя как положение дел в самом Иране, семь лет находившемся в состоянии смуты, так и отношения между Россией и Великобританией в этом регионе, а также давление великих держав на внутреннюю иранскую политику и военное вмешательство. Все эти темы активно обсуждались русскими правыми в начале XX в.

Несмотря на то что отношение консерваторов к внешнеполитическим проблемам Российской империи активно исследуется современными авторами (геополитическим представлениям русских правых уделено внимание в монографиях А. В. Репникова<sup>2</sup> и И. В. Омелянчука<sup>3</sup>, взгляды на отдельные внешнеполитические сюжеты рассмотрены в статьях В. Ю. Белянкиной<sup>4</sup>, А. А. Иванова<sup>5</sup>, А. В. Репникова<sup>6</sup>, И. В. Омелянчука<sup>7</sup>), реакция правых

<sup>1</sup> Цит. по: *Берзина А. А.* Персия и англо-русские отношения конца XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28). С. 23.

<sup>2</sup> *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 223–273.

<sup>3</sup> *Омелянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007. С. 480–521.

<sup>4</sup> *Белянкина В. Ю.* Национальные интересы России на Среднем Востоке в конце XIX – начале XX века через призму внешнеполитических взглядов русских консерваторов // *Всеобщая история*. 2021. № 2. С. 22–30.

<sup>5</sup> *Иванов А. А.* Союз России с Францией и Великобританией в оценке русских правых начала XX века // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*. 2022. № 3 (47). С. 27–43.

<sup>6</sup> *Репников А. В.* «Не будем мы защищать грудь Европы от Азии» (геополитические проекты русских консерваторов) // *Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции (Кострома, 26–27 марта 2009 г.)*. Кострома, 2009. С. 275–290.

<sup>7</sup> *Омелянчук И. В.* Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в Российской империи // *Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время»*. Воронеж, 2005. С. 113–122.

на персидские события до сих пор остается малоизученной. Исключение составляет лишь новейшая монография А. А. Иванова, посвященная консервативным партиям Российской империи, но и в ней персидский вопрос затрагивается лишь в контексте общего анализа геополитических взглядов русских правых<sup>8</sup>. В связи с этим цель данной публикации заключается в более детальном рассмотрении отношения русского консервативного лагеря к персидскому вопросу. Для достижения поставленной цели были проанализированы периодические издания правых партий и союзов (от черносотенцев до русских националистов), а также публицистические работы консервативных деятелей и некоторые делопроизводственные документы. Основное содержание статьи разделено на три части, соответствующие определенным периодам развития персидского вопроса, в которые особенно ярко проявилось отношение русских консерваторов к данной внешнеполитической проблеме — от принятия Российской империей политики невмешательства до военной интервенции в Иран 1911 г.

**Англо-русское соглашение.** Начало Конституционной революции в Иране прошло практически незамеченным правой периодической печатью: авторы консервативно настроенных газет и журналов были заняты в этот период революционными событиями в собственной стране. Но в 1907 г., когда завершилась революция в России и были достигнуты договоренности с Англией о разграничении сфер влияния в Средней Азии, внимание консервативной прессы постепенно переключилось на внешнеполитическую обстановку. Уже в начале 1907 г. некоторые правые периодические издания, комментируя появление большого числа статей в британских газетах об изменении отношений двух держав и о желании Англии доказать России свою дружбу, проявили скептицизм и открытое недоверие: «Британский лев в делах внешней политики, особенно в отношении к России, не прочь бывает облечься в лисью шкуру и умильно повилать хвостом. Но нам такие “дипломатические” ухватки у англичан не впервые замечать»<sup>9</sup>. Летом 1907 г. соглашение между Россией и Великобританией было заключено. Известный военачальник, председатель среднеазиатского отдела императорского Общества востоковедения А. Е. Снесарев назвал соглашение 1907 г. одним из «важнейших актов, которые когда-либо видела среднеазиатская обстановка»<sup>10</sup>. Данный документ был призван урегулировать отношения держав в Тибете, Афганистане и Иране. Последний разделялся в соответствии с соглашением на три зоны: за северной частью страны признавался контроль России, далее следовала нейтральная зона,

<sup>8</sup> Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. М., 2022. Т. 1: Консервативные партии / В. В. Журавлев, А. А. Иванов и др. С. 384–388.

<sup>9</sup> Русское знамя. 1907. 19 января. № 14.

<sup>10</sup> Снесарев А. Е. Англо-русское соглашение 1907 года: [Сообщ. пред. Сред.-Азиат. отд. О-ва востоковедения, Ген. штаба подполк. А. Е. Снесарева, чит. на общ. собр. членов О-ва ревнителей воен. знаний 24 янв. 1908 г.]. СПб., 1908. С. 1.

южная же часть Ирана с выходом к Персидскому заливу становилась сферой влияния Великобритании<sup>11</sup>.

События Иранской революции развивались преимущественно в северной, русской, зоне, а потому крайне правые считали нецелесообразным следовать политике невмешательства, на которой настаивали англичане. Однако со своей позицией по данному вопросу черносотенцы поначалу находились в меньшинстве, так как российская публика отреагировала на заключение соглашения 1907 г. практически единодушно одобрительно, что Снесарев отметил в своем критическом обзоре этого международного акта: «В общем надо сказать, что она (русская печать. — А. И., А. А.) отнеслась к этому соглашению добродушно. Общий смысл статей был таков, что наконец-то в Средней Азии положен предел длительным недоразумениям, затихла хоть временно вражда и, Бог даст, наладятся когда-нибудь новые, более дружеские и более теплые взаимные отношения России и Англии»<sup>12</sup>. С радостью приветствовали заключение соглашения и русские националисты. А. И. Савенко на страницах газеты «Киевлянин» писал: «Конвенция между Россией и Англией является событием громадной, прямо исторической важности. Целое столетие мы враждовали с Англией. Но это было вековое недоразумение. <...> И только теперь, в столетнюю годовщину Тильзитского мира, который можно считать началом анти-английского направления нашей политики, мы решились честно сговориться с англичанами и размежеваться с ними в Азии. Событие это не только велико по своей важности, но и чрезвычайно благоприятно для обеих держав, заключивших соглашение»<sup>13</sup>. Газета «Новое время», как и «Киевлянин», отзывалась о соглашении в позитивном ключе: «Средняя Азия также не грозит в данный момент никакими осложнениями: три наиболее крупных среднеазиатских вопроса разрешены англо-русским соглашением»<sup>14</sup>.

Крайне правые, стоявшие особняком в данном вопросе, в конвенции 1907 г. не только не видели пользы, но, наоборот, считали ее положения вредными для российской внешней политики. Подписание соглашения означало отказ России от независимой политики на Среднем Востоке, что воспринималось правыми как проявление государственной слабости. С конца 1907 г. черносотенная пресса обрушилась с критикой на русскую дипломатию, отстаивая мысль о тесной связи русско-английских договоренностей и революционных событий в Иране. В статье «Наши дипломаты», напечатанной в «Русском знамени», утверждалось, что англичане не желают видеть Иран сильным государством и поэтому «английские дипломаты привлекли усердных не по разуму наших дипломатов и, заручившись их содействием, а также содействием корыстных советников шаха, склонили последнего ввести конституцию

<sup>11</sup> История внешней политики России. Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 2018. С. 202.

<sup>12</sup> Снесарев А. Е. Указ соч. С. 22.

<sup>13</sup> Киевлянин. 1907. 22 августа. № 231.

<sup>14</sup> Новое время. 1907. 25 августа. № 11297.

в своей стране, совсем полудикой, менее всех других подготовленной к такому государственному строю». Автор статьи заключал: «Наши же дипломаты, не подозревая, что играют исключительно в руку англичанам и желая прослыть за “передовых”... тоже вооружились против персидских черносотенцев, отстаивая неподходящий к Персии, как и к России, конституционный строй»<sup>15</sup>. Выражая настроение Русской монархической партии, газета «Московские ведомости» уже в конце 1907 – начале 1908 г. призывала российские власти разорвать конвенцию с англичанами и «железной рукой навести порядок в Персии»<sup>16</sup>.

Внешнеполитическим просчетом считал соглашение 1907 г. и И. А. Зиновьев, входивший в правую группу Государственного совета и много лет занимавший дипломатический пост в Персии. В его брошюре «Россия, Англия и Персия», вышедшей в 1912 г., говорилось: «Русско-английское соглашение по вопросу о Персии было для Англии едва ли не более желательно, чем для нас, и, казалось бы, что при этих условиях не могло встретиться непреодолимых препятствий к заключению разумного соглашения, равномерно обеспечивавшего интересы и достоинство обеих держав. Во всяком случае Англия не могла требовать от нас безусловного принятия ее рискованной программы невмешательства, каковая, подрывая авторитет шаха, служила поощрением революционному движению, а мы, с своей стороны, не были несколько обязаны принять эту программу»<sup>17</sup>. Однако именно эту программу и принял российский МИД. Не находя объяснения подобному внешнеполитическому решению, И. А. Зиновьев стремился доказать его пагубность для интересов России, имевшей с Ираном общую протяженную границу и потому занимавшей положение, отличное от положения англичан. Он обращал внимание, что и сами англичане прекрасно понимали отличия последствий политики невмешательства для России и Англии. Зиновьев приводил текст телеграммы английского посланника в Тегеране С. Спринг-Райса, отправленной в начале 1907 г. главе британского МИДа Э. Грью, в которой посланник выражал опасение, что революционное движение, направленное в том числе и против иностранного влияния, может стать опасным, если «иностранное правительство примут активное участие во внутренней политике Персии». Далее С. Спринг-Райс писал: «Как Великобритания, так и российское правительство (хотя, благодаря Кавказу, положение России и не сходно с нашим положением) должны насколько возможно воздерживаться от упомянутого выше вмешательства»<sup>18</sup>. И раз даже английский посланник заметил и специально выделил факт отличия британского и русского положения относительно Ирана, то русский министр иностранных дел «должен был бы обратить еще более внимания на это существенное обстоятельство»

<sup>15</sup> Русское знамя. 1907. 19 декабря. № 276.

<sup>16</sup> Цит. по: *Белянкина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. С. 159.

<sup>17</sup> *Зиновьев И. А.* Россия, Англия и Персия. СПб., 1912. С. 51–52.

<sup>18</sup> Там же. С. 36.



при составлении соглашения, утверждал автор брошюры<sup>19</sup>. Подводя итог своим размышлениям о русско-английской конвенции 1907 г., И. А. Зиновьев писал: «Благонадежны и плодотворны лишь те международные соглашения, коими в одинаковой степени обеспечиваются достоинство и законные интересы обеих договаривающихся сторон, а никак не те, в силу коих одна из сторон всецело подчиняет свои интересы благоусмотрению другой стороны»<sup>20</sup>. Англо-русское соглашение, заключал он, бесспорно принадлежит ко второй категории.

**Гражданская война в Иране и российская интервенция 1909 г.** По мере развития Иранской революции все чаще стали появляться сообщения о беспорядках на русско-иранской границе и нападениях на российских подданных. Так, в конце 1907 г. «Голос Москвы» сообщал об анархии в иранском Азербайджане: «в 60 верстах от Тавриза ограблена почта урмийского русского консульства, шедшая в Россию; курьер консульства смертельно ранен. На персидской территории <...> обстреляно помещение русских подданных»<sup>21</sup>. Уже в мае 1908 г. правые депутаты внесли в Государственную думу запрос «о бездействии русских властей на нашей границе с Персией»<sup>22</sup>.

В 1908 г. поводом для общественной дискуссии послужил разгон меджлиса Мохаммедом Али-шахом при поддержке частей Персидской казачьей бригады. Эта бригада существовала в Иране с 1879 г., обучением ее личного состава занимались русские военные. В период правления Мохаммеда Али-шаха командиром бригады был российский офицер — полковник В. П. Ляхов<sup>23</sup>. Летом 1908 г. шах, заручившись поддержкой Персидской казачьей бригады и назначив В. П. Ляхова военным губернатором Тегерана, разогнал меджлис и отменил конституцию 1906 г. Ключевое участие русского офицера в так называемом монархическом перевороте в Иране вызвало бурную реакцию в российском обществе. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» в ответ на осуждение действий полковника В. П. Ляхова представителями либеральной общественности было напечатано: «Из всех обвинений верно одно: персидский парламент был обстрелян, но первые выстрелы были произведены из парламента, поэтому бригада действовала в состоянии самообороны». Оправдывала действия командира бригады и газета «Новое время»<sup>24</sup>. Центральный печатный орган Союза русского народа (СРН) газета «Русское знамя» характеризовала произошедшую ситуацию как выполнение полковником В. П. Ляховым

<sup>19</sup> Зиновьев И. А. Указ. соч. С. 38.

<sup>20</sup> Там же. С. 52.

<sup>21</sup> Пикатова Н. В. Деятельность консульской службы России в Персии во время персидской революции 1905–1911 гг. в освещении русской прессы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 56.

<sup>22</sup> Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века. С. 159–160.

<sup>23</sup> Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М., 2012. С. 134.

<sup>24</sup> Пикатова Н. В. Русское общественное мнение и политика России в Персии в 1905–1909 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2011. № 3. С. 176.

своей прямой обязанности «всемерно защищать шаха и его семью при помощи бригады». Сообщение заканчивалось выводом: «В данном случае персидская казачья бригада оказала особые услуги, так как она явилась единственной серьезной и дисциплинированной военной силой, при помощи которой удалось оградить население от начинавшихся грабежей»<sup>25</sup>. Как и умеренно правые, черносотенцы не оставляли без ответа обвинения со стороны либеральной прессы. Называя «недовольной простыней» статью в кадетской газете «Речь», редакция «Русского знамени» отвечала ей: «“Речь” должна помнить, что офицер русской службы “не может быть искателем приключений”, а особенно такой, который командирован с Высочайшего соизволения в Персию. Казаки во главе с Ляховым действовали, как всегда, молодцами и вернули персидскому шаху то, что он, благодаря персидским Витте, Милюковым и Астольпинным<sup>26</sup>, случайно потерял. <...> Казаки с Ляховым на деле показали, как будет действовать все наше казачество, верное Царю и Родине, если ему выпадет счастливая доля отыскивать в России “конституцию”»<sup>27</sup>. Член совета фракции правых в Государственной думе Н. Е. Марков 2-й на заседании 15 ноября 1908 г., выступая по поводу запроса социал-демократической фракции о «незаконмерных и вредных для русского государства» действиях полковника В. П. Ляхова, заявил, что «русская Государственная дума, в которой бьется русское сердце... не решится оскорбить доблестного полковника, царского слугу, этим позорным запросом и должна его отвергнуть...»<sup>28</sup>.

Иранский контрреволюционный переворот 1908 г. дал русским черносотенцам на некоторое время надежду, что абсолютная власть шаха останется непоколебимой, что было для правых важно, так как персидские политические события зачастую сравнивались с внутривнутриполитической ситуацией в самой России. Перу лидера СРН А. И. Дубровина принадлежит вышедший отдельным изданием фельетон «Плоды персидской конституции»<sup>29</sup>, в котором шах назывался персидским царем и разъяснялось, что меджлис — это, по-нашему, Государственная дума. А. И. Дубровин простым языком, доступным малограмотной публике, описывал опасность «модно-европейской идеи» — конституции и меджлиса: «Охватили страну грабежи и несчастья. Потоками полилась людская кровь. <...> Зато весело, все по-новому. Зато действительно свободная жизнь, а не рабская спячка. А Царь все уступает и уступает. Но все мало!»<sup>30</sup> Роспуск меджлиса и отмена конституции назывались в фельетоне прозрением

<sup>25</sup> Русское знамя. 1908. 27 июня. № 144.

<sup>26</sup> Имеется в виду журналист газеты «Новое время», брат председателя Совета министров П. А. Столыпина, Александр Аркадьевич Столыпин.

<sup>27</sup> Русское знамя. 1908. 27 июня. № 144.

<sup>28</sup> Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 1276.

<sup>29</sup> [Дубровин А. И.] Плоды Персидской конституции. СПб., [1908].

<sup>30</sup> Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы / сост., предисл., коммент. Д. И. Стогов. М., 2011. С. 404.



от «временного наваждения». А. И. Дубровин писал, что теперь восстанавливается традиционный уклад, «мятежники запрятались в подполье» и «смело можно рассчитывать, что при таком образе действий скоро наступит в Персии спокойствие и порядок»<sup>31</sup>. Но в реальности надеждам вождя СРН не суждено было осуществиться, и после летних событий 1908 г. Иранская революция фактически переросла в гражданскую войну.

Ситуация обострилась весной 1909 г.: шахскими войсками был осажден Тебриз, что представляло опасность для жизни русских подданных. Это заставило российское правительство принять решение о посылке войск к осажденному городу. Летом вооруженные отряды революционеров направились к Тегерану, в связи с чем в Иран были отправлены новые войсковые части<sup>32</sup>. Данное политическое решение приветствовалось консервативно настроенными представителями российского общества, но сопутствующие и последующие действия России в Иране продолжали подвергаться резкой критике со стороны правых<sup>33</sup>.

По мере ухудшения обстановки в охваченном беспорядками Иранском Азербайджане и продолжающейся осады Тебриза привычная неудовлетворенность крайне правых политикой невмешательства переросла в призывы к решительным действиям. В марте 1909 г. в «Русском знамени» было напечатано: «Положение в Персии все обостряется. Единственною виною тому двусмысленное отношение к Персии русского правительства, отступившего от исторических традиций своих уважения к самодержавной власти даже в соседних государствах. <...> Пора уже покончить с опасной и недостойной для дружественной страны игрой в смуту и вместо глупой конституции рекомендовать шаху водворить порядок в стране с помощью полковника Ляхова»<sup>34</sup>. В умеренно-правых периодических изданиях, несмотря на вполне одобрительное отношение к необходимости согласовывать все действия с Англией и соблюдать принцип невмешательства, к апрелю 1909 г. тоже стало нарастать беспокойство по поводу положения дел в Иране. Так, например, в одном из апрельских номеров «Киевлянина» можно прочесть: «Из Решта и Тавриза революционеры приближаются постепенно к Тегерану, а, как известно, когда революционная волна прорывает плотину, в опасности оказывается и друг, и недруг. Европейским кабинетам следует поэтому заблаговременно принять меры предосторожности»<sup>35</sup>. Долгожданное для правых решение все-таки было принято русским правительством, и в конце апреля 1909 г. российские войска перешли границу с Ираном. Однако довольно быстро ликование

<sup>31</sup> Дубровин А. И. Указ. соч. С. 405.

<sup>32</sup> Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX – начало XX века). М., 2010. С. 175–177.

<sup>33</sup> Подробнее см.: Аричева А. С. Российская интервенция в Иран по материалам русской консервативной прессы (весна – лето 1909 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 3. С. 206–216.

<sup>34</sup> Русское знамя. 1909. 4 марта. № 50.

<sup>35</sup> Киевлянин. 1909. 10 апреля. № 98.

правой периодической печати сменилось разочарованием, так как Россия продолжала координировать свои действия с Британией, что, по мнению правых, приводило лишь к полумерам, вместо действительного разрешения персидского вопроса. Самостоятельных действий российской дипломатии в Иране, на которые русские правые рассчитывали, по-прежнему не было. Так, в только что начавшей издаваться «Земщине» анонимный автор писал, что отправка отряда в Иран была запоздалой и «отряд-то наш был недостаточно силен по количеству войск, что вызвало тревогу по всей правой печати, да кроме того мы сопровождали прибытие его в Тавриз чуть ли ни извинениями перед Англией и персидскими борцами за “свободу”, в чем легко было усмотреть опасность быстрого отозвания этих войск обратно, вследствие неясного понимания взятой на себя задачи»<sup>36</sup>. Газета, выражавшая взгляды умеренного («обновленческого») крыла СРН<sup>37</sup>, продолжала отстаивать это мнение и в последующих номерах: «Мы или вовсе не должны идти в Персию, или же должны идти с большими силами, а не крошечным отрядом, не могущим устроить разбойничьи полчища и остановить их победное шествие к резиденции шаха»<sup>38</sup>. «Русское знамя» также подвергало критике организацию военного похода и действия русских войск, отмечая, что «пребывание нашего отряда, по-видимому, только на пользу персидско-кавказской революции, ибо наш отряд стал лагерем у самого Тавриза, и персидским правительственным войскам волей-неволей пришлось отступить, так как, стреляя по позициям революционеров, правительственные персидские войска должны были бы обстрелять и русский лагерь»<sup>39</sup>. Однако сам факт отхода от политики невмешательства, объявление правительством намерения защитить русские учреждения и подданных в охваченной революцией стране, нахождение российских воинских частей в Иране, безусловно, воспринимались правыми положительно. В «Московских ведомостях» высказывалось одобрение военного вмешательства в Иран одновременно с осуждением недалёковидной политики российского МИДа: «...Обстоятельства побудили сделать то, против чего правительства раньше энергично восставали, что они должны были сделать уже давно и что в интересах России требовалось сделать несколько месяцев тому назад, если бы г. Извольский ставил эти интересы выше желанья не расходиться с желаньями сэра Грея»<sup>40</sup>. Правая газета «Колокол», в свою очередь, тоже отмечала запоздалость отправки войск, считая, что если бы данная мера была предпринята раньше, революционное движение «никогда не разрослось бы до такой

<sup>36</sup> Земщина. 1909. 11 июня. № 8.

<sup>37</sup> О расколе в СРН и идеологических различиях между «дубровинцами» и «обновленцами» подробнее см.: *Омельячук И. В.* «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // *Российская история.* 2021. № 1. С. 124–139.

<sup>38</sup> Земщина. 1909. 23 июня. № 18.

<sup>39</sup> Русское знамя. 1909. 7 мая. № 101.

<sup>40</sup> *Пикатова Н. В.* Русское общественное мнение и политика России в Персии в 1905–1909 гг. С. 179.

степени, и Персия была бы избавлена от кровавой смуты, а русская торговля от громадных убытков, нанесенных ей персидской анархией», но тем не менее статья заканчивалась фразой «Все-таки лучше поздно, чем никогда»<sup>41</sup>.

Между тем развитие Иранской революции привело в июле 1909 г. к отречению Мохаммеда Али-шаха от престола. Крайне правыми отречение шаха было воспринято как дипломатическое поражение России, допустившей разрушение самодержавного строя в соседней стране. И. А. Зиновьев интерпретировал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Англичане никогда не могли примириться с нашим преобладающим влиянием в Тегеране и в возникшей в Персии революции они усмотрели средство поколебать наше влияние и устранить Мохаммед-Али-шаха, коему они не могли простить его русофильские чувства»<sup>42</sup>. Правые при этом недоумевали, как подобное могла допустить русская дипломатия, и доходили до обвинений российского МИДа в «пособничестве бунту и анархии». Националист А. И. Савенко незадолго до отречения шаха в одном из номеров газеты «Киевлянин» писал, что России необходимо вмешаться, заступиться за шаха, что объявление Россией во всеуслышание своего намерения не вмешиваться во внутренние дела Ирана в этом вопросе дает персидским революционерам «от имени России разрешение безнаказанно свергнуть несчастного шаха, которого мы же сами своими советами завели в беду»<sup>43</sup>. А. И. Савенко считал, что подобная линия внешней политики несовместима «с честью и достоинством России»: «Почему же, когда персидскому бунту приходилось плохо, мы все время вмешивались? И мы по чувству элементарной справедливости и чести должны и теперь вмешаться. Раз мы упорно советовали шаху уступать бунту, раз мы настояли на уступках и этим завели шаха в тяжкую беду, мы обязаны и вывести его из этой беды»<sup>44</sup>.

«Земщина» придерживалась такого же мнения и ставила вопрос, «кому же на пользу столь явное несоответствие между русскими интересами и направлением русской политики»: «До каких же пор, однако, будем мы морочить и себя, и других заявлениями о “невмешательстве”, коль скоро мы все время только и занимаемся тем, что вмешиваемся во внутренние дела Персии, причем делаем это неизменно в пользу революционеров, а следовательно, во вред шаху?»<sup>45</sup>. «Земщина», помимо этого, обращала внимание читателей на то, что шах «выполнил все предъявленные ему требования со стороны России и Англии», а потому здравый смысл указывает, что оставление шаха без поддержки — это «преступное и бессмысленное попустительство»: «Если оно к лицу Англии, стороннице и пособнице всевозможных смут в других государствах, то оно отнюдь не к лицу России, всегда руководствовавшейся велениями нравственности и долга и в международных своих отношениях»<sup>46</sup>.

<sup>41</sup> Колокол. 1909. 21 июня. № 985.

<sup>42</sup> Зиновьев И. А. Указ. соч. С. 7.

<sup>43</sup> Киевлянин. 1909. 5 июля. № 183.

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> Земщина. 1909. 23 июня. № 18.

<sup>46</sup> Там же. 11 июня. № 8.

После свержения шаха к власти пришли либералы, что способствовало усилению английского влияния в Тегеране, и Россия вместе с Англией признала новый режим<sup>47</sup>. Такой «печальный конец» персидской смуты назывался в правой прессе «тегеранской катастрофой», нанесшей удар «нашему национальному самолюбию». Редакция «Земщины» отмечала, что русская дипломатия, «“без лести преданная” не русскому делу, а английским интересам, английской указке», дошла до «сознательного унижения и самооплевания»<sup>48</sup>.

### **Новое иранское правительство и российская интервенция 1911 г.**

После установления в Иране новой власти ситуация не улучшалась: к ущемлению экономических интересов России добавились разногласия с новым иранским правительством, приведшие осенью 1911 г. к серьезному политическому конфликту, результатом которого стала отправка в Казвин военного отряда. Отношения России с новым иранским правительством с самого начала складывались напряженно, и главным камнем преткновения был вопрос о нахождении русских войск на территории Ирана. Правительство Российской империи, чувствуя враждебность радикально настроенных членов меджлиса, не торопилось с принятием решения о выводе войск, министр иностранных дел А. П. Извольский отмечал отсутствие «уверенности в прочности установившегося спокойствия», заявляя, что Иран по-прежнему остается в состоянии анархии и ввиду этого «отозвание наших войск из Персии представляется пока несвоевременным»<sup>49</sup>.

Представители консервативного лагеря в этом вопросе, как и ранее, были настроены радикальнее официальной линии правительства. Печатаемая сообщения о грабежах и разбоях, которым подвергались подданные России и в самом Иране, и на приграничных территориях, правые обвиняли дипломатов и военных в нерешительности и безответственности, заявляя: «Во имя будущего нельзя ограничиваться одной защитой границы». Черносотенцы считали, что «если бы власть посмотрела на дело так просто, то на нашей кавказской границе, и без того беспокойной благодаря внутреннему брожению, создалось бы постоянно угрожающее положение», и поэтому ими высказывалось следующее мнение: «Необходима карательная экспедиция, необходимо самое строгое наказание виновных — и наказание не в виде мифического обещания персидского правительства, а своими собственными средствами и мерами. Нельзя считаться здесь с государственным достоинством Персии, не умаляя нашего государственного достоинства. Кажется, пора это сознать... Неужели и такого урока недостаточно, и мы будем по-прежнему играть в либеральную благожелательность?»<sup>50</sup>.

Осенью 1911 г. произошел открытый конфликт между Российской империей и Ираном, правительство которого приняло решение о конфискации

<sup>47</sup> История внешней политики России. Т. 5. С. 255.

<sup>48</sup> Земщина. 1909. 19 сентября. № 90.

<sup>49</sup> Кулагина Л. М. Указ. соч. С. 179–180.

<sup>50</sup> Русское знамя. 1909. 5 сентября. № 198.

имущества лиц, участвовавших в мятеже Мохаммеда Али-шаха (среди прочего конфискации подлежали имения, находившиеся под охраной российского Учетно-ссудного банка). В связи с неисполнением иранским правительством требований России (удаление жандармов, занявших имения, и принесения извинений «за оскорбления, нанесенные служащим консульства») в ноябре ему был вручен ультиматум<sup>51</sup>. Военный министр В. А. Сухомлинов, бывший до 1905 г. председателем киевского отдела Русского собрания, после вышеописанных событий направил письмо председателю Совета министров с требованием сообщить, какого рода задачи могут быть возложены на военное ведомство в ближайшее время в связи с тем, что персидский вопрос создал «к настоящему времени весьма тяжелую обстановку»<sup>52</sup>. Сухомлинов писал: «Персидские власти допустили в последнее время против нас выходки, совершенно не соответствующие взаимному соотношению сил и значению России как великой державы, что и привело наконец к предъявлению нами персидскому правительству ультимативного требования». Военный министр считал, что, если события в Иране будут развиваться неблагоприятно для России, «несомненно потребуются дальнейшие военные мероприятия с новыми задачами»<sup>53</sup>. Так как ультиматум не был принят, русские войска стали занимать города Северного Ирана и готовиться к наступлению на Тегеран.

Умеренно правые и русские националисты, в отличие от черносотенцев, одобрявшие согласованность российской политики в Иране с Британской империей и поначалу спокойно и взвешенно реагировавшие на сообщения о персидских событиях, постепенно стали выступать с заявлениями, близкими к позиции крайне правых. Так, уже в первой половине 1909 г. анонимный автор «Нового времени» писал, что «дипломатия наша систематически упускает из виду, что соглашение заключается не ради обеспечения интересов одной из договаривающихся сторон и что задача ее состоит не в исключительном выполнении принятых на себя обязательств, но и в ограждении своих собственных интересов». Отмечая, что «Новое время» всегда поддерживало англо-русское сближение, автор продолжал: «Но сближение отнюдь не есть подчинение всей нашей международной политики указаниям из Лондона. Подобная роль недостойна великой державы. В частности же, в Персии совместная работа наша с Англией возможна лишь при строгом соблюдении наших собственных национальных интересов»<sup>54</sup>. Кризис 1911 г. сделал тон заявлений умеренно правых еще более резким, практически созвучным высказываниям черносотенцев. А. И. Савенко, бывший одним из создателей и лидеров Киевского клуба русских националистов (ККРН), отзывался на события ноября – декабря 1911 г. следующим образом: «События в Персии <...> показали, как низко стоит престиж России как великой державы. <...> Читаешь телеграммы о том,

<sup>51</sup> Кулагина Л. М. Указ. соч. С. 182–183.

<sup>52</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 7. Д. 471. Л. 1.

<sup>53</sup> Там же. Л. 4.

<sup>54</sup> Новое время. 1909. 26 мая. № 11925. С. 3.

что происходит в Персии, и испытываешь чувство кошмара. Россию ставят ни во что, с нами совершенно перестали считаться. Страха перед Россией не испытывает даже разваливающаяся, жалкая Персия»<sup>55</sup>. А. И. Савенко был возмущен поведением России в Иране, которое не соответствовало «достоинству великой державы», и полагал, что «если мы были оскорблены и пришли к заключению о необходимости прибегнуть к вооруженной силе, то мы должны были действовать. Мы же беспомощно топтались на месте. <...> Более того, мы все время извинялись, клялись всему свету в чистоте наших намерений и т. д.»<sup>56</sup>. Кроме того, общее собрание членов ККРН направило главе правительства телеграмму, в которой осуждало «нашу постоянную и беспредельную уступчивость, граничащую с полной утратой чувства национального достоинства» и высказывало уверенность, что «только беспощадная расправа, такая расправа, о которой помнили бы дети и внуки нынешних персов, может послужить удовлетворением оскорбленного достоинства России как великой державы, восстановить престиж нашего отечества в глазах азиатского Востока и водворить мир и спокойствие в Персии»<sup>57</sup>.

Черносотенцы приветствовали российскую интервенцию и, как раньше, призывали российские власти действовать более решительно, вместе с тем ругая их за недалновидную внешнюю политику и половинчатые решения. Видный член СРН и редактор «Земщины» С. К. Глинка-Янчевский писал: «Надо полагать, наглость Персии, не пожелавшей удовлетворить требований нашего ультиматума, никого не изумила. В этом проявилось, конечно, высшее неуважение к России — это правда, но ведь оно со времени изгнания Магомеда-Али всегда и было, только не проявлялось так резко, как теперь, и потому наша дипломатия имела возможность отмаргиваться. Она и показывала вид будто ничего особенного не замечает. <...> Конечно, персюки и зазнались и, наконец, так треснули по башкам наших дипломатов, что им более невозможно отмаргиваться...»<sup>58</sup>. Глинка считал, что российским войскам следует вступить в Тегеран, разогнать меджлис и до восстановления полного порядка оставаться в столице Ирана: «Вот та общая программа, которую мы обязаны выполнить во что бы то ни стало, если желаем действительно умиротворения соседней страны, являющейся теперь гнездом анархии и яблоком раздора»<sup>59</sup>. Надеясь на решительные действия русского правительства, черносотенцы, следя за развитием ситуации, беспокоились, что «того и гляди, — постоим в Казвине и... вновь отзовем свои войска...»<sup>60</sup>. И их беспокойство было ненеприятным, так как после переговоров с Лондоном правительство Российской империи остановило продвижение войск и пошло на очередные уступки.

<sup>55</sup> Сборник клуба русских националистов. Вып. 4–5. Киев, 1913. С. 163.

<sup>56</sup> Там же. С. 163–164.

<sup>57</sup> Там же. С. 263.

<sup>58</sup> Земщина. 1911. 19 ноября. № 825. С. 2–3.

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> Земщина. 1911. 26 ноября. № 831. С. 3.



Совет министров отмечал, что «пробывание наших отрядов в Персии отнюдь не носит характера оккупации этой страны: они командированы лишь для охраны русских интересов, пока само персидское правительство не в силах ограждать порядок, и для поддержания предъявленного нами ультиматума. Следовательно, за принятием последнего, необходимость движения на Тегеран может почитаться уже отпавшею»<sup>61</sup>. При освещении этой ситуации на страницах одного из номеров «Земщины» были напечатаны слова, выражавшие реакцию правых, надежды и расчеты которых в очередной раз не были оправданы: «До тошноты обидно»<sup>62</sup>.

**Заключение.** На протяжении нескольких лет русские правые следили за разворачивавшимися событиями на Среднем Востоке. Взгляды националистов и умеренно правых по мере развития иранского кризиса претерпевали определенные изменения: поначалу они одобряли политику невмешательства, согласованность действий с англичанами, но в итоге стали требовать от правительства решительных действий и наведения порядка в Иране с помощью военной силы. Черносотенцы же неизменно на протяжении всех лет придерживались единой позиции по персидскому вопросу — «железной рукой навести порядок», — что, с их точки зрения, должно было сохранить престиж Российской империи на международной арене. Однако у русской дипломатии был иной подход к ведению дел на Среднем Востоке, часто критиковавшийся консерваторами, которые считали, что решение персидского вопроса оборачивается для России негативными последствиями.

### Литература

1. Арцуева А. С. Российская интервенция в Иран по материалам русской консервативной прессы (весна – лето 1909 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 3. С. 206–216.
2. Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. 215 с.
3. Белянкина В. Ю. Национальные интересы России на Среднем Востоке в конце XIX – начале XX века через призму внешнеполитических взглядов русских консерваторов // Всеобщая история. 2021. № 2. С. 22–30.
4. Берзина А. А. Персия и англо-русские отношения конца XIX – начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28). С. 22–24.
5. Иванов А. А. Союз России с Францией и Великобританией в оценке русских правых начала XX века // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 3 (47). С. 27–43.
6. История внешней политики России: в 5 т. Т. 5. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Академический проект; Парадигма, 2018. 658 с.

<sup>61</sup> РГИА Ф. 1276. Оп. 20. Д. 55. ЛЛ. 18 об–19.

<sup>62</sup> Земщина. 1911. 30 ноября. № 835.

7. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX – начало XX века). М.: Ключ-С, 2010. 272 с.
8. Омелянчук И. В. Внешнеполитические проблемы в идеологии черносотенных партий в Российской империи // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж: Истоки, 2005. С. 113–122.
9. Омелянчук И. В. «Дом, разделившийся в себе»: раскол Союза русского народа // Российская история. 2021. № 1. С. 124–139.
10. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
11. Пикатова Н. В. Деятельность консульской службы России в Персии во время персидской революции 1905–1911 гг. в освещении русской прессы // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 55–60.
12. Пикатова Н. В. Русское общественное мнение и политика России в Персии в 1905–1909 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2011. № 3. С. 173–180.
13. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. Т. 1: Консервативные партии / В. В. Журавлев, А. А. Иванов и др. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.
14. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 519 с.
15. Репников А. В. «Не будем мы защищать грудь Европы от Азии» (геополитические проекты русских консерваторов) // Романовские чтения. Центр и провинция в системе российской государственности: материалы конференции (Кострома, 26–27 марта 2009 г.) / сост. и науч. ред. А. М. Белов, А. В. Новиков. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. С. 275–290.
16. Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. 352 с.

## References

1. Artsueva A. S. Rossiiskaia interventsia v Iran po materialam russkoi konservativnoi pressy (vesna – leto 1909 g.) [Russian intervention in Iran on the materials of the Russian conservative press (spring – summer 1909)] // Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2022. Vol. 18. № 3. P. 206–216. (In Russ.).
2. Beliankina V. Iu. Vneshnepoliticheskie vzgliady russkikh pravyykh v nachale XX veka (1905–1914 gg.) [Foreign policy views of the Russian right-wingers at the beginning of the XX<sup>th</sup> century (1905–1914)]: dis. ... kand. ist. nauk. Kostroma, 2005. 215 p. (In Russ.).
3. Beliankina V. Iu. Natsional'nye interesy Rossii na Srednem Vostoke v kontse XIX – nachale XX veka cherez prizmu vneshnepoliticheskikh vzgliadov russkikh konservatorov [Russia's national interests in the Middle East at the end XIX<sup>th</sup> – early XX<sup>th</sup> century through the prism of foreign policy views of Russian conservatives] // Vseobshchaia istoriia. 2021. № 2. P. 22–30. (In Russ.).
4. Berzina A. A. Persiia i anglo-russkie otnosheniia kontsa XIX – nachala XX v. [Persia and Anglo-Russian relations in the late XIX<sup>th</sup> – early XX<sup>th</sup> centuries] // Istoricheskie,

filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 2 (28). P. 22–24. (In Russ.).

5. Ivanov A. A. Soiuz Rossii s Frantsiei i Velikobritaniei v otsenke russkikh pravyykh nachala XX veka [The alliance of Russia with France and Great Britain in the perception of Russian right-wingers in the early XX<sup>th</sup> century] // MCU Journal of Historical Studies. 2022. № 3 (47). P. 27–43. (In Russ.).

6. Istoriia vneshnei politiki Rossii: v 5 t. T. 5. Konets XIX – nachalo XX veka (Ot russo-frantsuzskogo soiuzha do Oktiabr'skoi revoliutsii) [History of Russia's foreign policy: in 5 vols. Vol. 5. The end of the XIX<sup>th</sup> – the beginning of the XX<sup>th</sup> century (from the Russian-French union to the October Revolution)]. Moscow: Akademicheskii proekt; Paradigma, 2018. 658 p. (In Russ.).

7. Kulagina L. M. Rossiia i Iran (XIX – nachalo XX veka) [Russia and Iran (XIX<sup>th</sup> – early XX<sup>th</sup> century)]. Moscow: Kliuch-S, 2010. 272 p. (In Russ.).

8. Omel'ianchuk I. V. Vneshnepoliticheskie problemy v ideologii chernosotennykh partii v Rossiiskoi imperii [Foreign policy problems in the ideology of the Black Hundred Parties in the Russian Empire] // Sbornik materialov nauchnykh konferentsii: «Konservativizm v Rossii i mire: proshloe i nastoiashchee», «Natsional'nyi vopros v Evrope v novoe noveishee vremia», «Pravyi konservativizm v Rossii i russkom zarubezh'e v novoe i noveishee vremia». Voronezh: Istoki, 2005. P. 113–122. (In Russ.).

9. Omel'ianchuk I. V. «Dom, razdelivshiisia v sebe»: raskol Soiuzha russkogo naroda [“A house divided in itself”: the split of the Union of the Russian people] // Rossiiskaia istoriia. 2021. № 1. P. 124–139. (In Russ.).

10. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [Black Hundred movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).

11. Pikatova N. V. Deiatel'nost' konsul'skoi sluzhby Rossii v Persii vo vremia persidskoi revoliutsii 1905–1911 gg. v osveshchenii russkoi pressy [The activities of the Russian consulate in Persia during the Persian revolution 1905–1911 in the coverage of the Russian press] // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2012. № 133. P. 55–60. (In Russ.).

12. Pikatova N. V. Russkoe obshchestvennoe mnenie i politika Rossii v Persii v 1905–1909 gg. [Russian public opinion and Russian policy in Persia in 1905–1909] // Saint Petersburg University Bulletin. Ser. 2: Istoriia. 2011. № 3. P. 173–180. (In Russ.).

13. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – nachalo XX v. [Political parties of Russia. Late XIX<sup>th</sup> – early XX<sup>th</sup> century]: v 3 t. T. 1: Konservativnye partii [Conservative parties] / V. V. Zhuravlev, A. A. Ivanov i dr. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2022. 599 p. (In Russ.).

14. Repnikov A. V. Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii [Conservative concepts of Russia rearrangement]. Moscow: Academia, 2007. 519 p. (In Russ.).

15. Repnikov A. V. «Ne budem my zashhishhat' grud'ju Evropu ot Azii» (geopoliticheskie proekty russkikh konservatorov) [“We will not defend Europe from Asia” (geopolitical projects of Russian conservatives)] // Romanovskie chteniia. Tsentr i provintsiia v sisteme rossiiskoi gosudarstvennosti: materialy konferentsii (Kostroma, 26–27 marta 2009 g.) / sost. i nauch. red. A. M. Belov, A. V. Novikov. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2009. P. 275–290. (In Russ.).

16. Ter-Oganov N. K. Persidskaia kazach'ia brigada. 1879–1921 gg. [The Persian cosack brigade. 1879–1921]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2012. 352 p. (In Russ.).